



В ИНОМ СВЕТЕ

Хоффман Дэвид. Мертвая Рука: Неизвестная история холодной войны и ее опасное наследие. М.: Астрель: CORPUS. 2011. 736 с.

Hoffman David E. The Dead Hand: The Untold Story of the Cold War Arms Race and its Dangerous Legacy. Doubleday. 2009. 592 p.

Рецензия — Виктор Есин

В своем триллере Хоффман основное внимание уделил событиям 1980-х гг. Тогда, после ввода советских войск в Афганистан, период разрядки семидесятых годов закончился, и возникла острая конфронтация между СССР и США с взаимными ракетно-ядерными угрозами. Как подчеркнуто Хоффманом, обе стороны «преследовал страх — мысль о разоружающем первом ударе, грянувшем, как гром среди ясного неба» (с. 35).

О том, как нарастало противостояние СССР и США и обострялось их противоборство в первой половине восьмидесятых годов, повествуется в первой части триллера. Своего апогея события того периода достигли в 1983 г. По оценке Хоффмана, с которой я полностью солидарен, это был самый тяжелый год за всю историю холодной войны, не считая Карибского кризиса 1962 г.

Вторая часть триллера посвящена событиям холодной войны второй половины восьмидесятых годов, когда, как свидетельствует Хоффман, руководители СССР и США поняли, что их противостояние на грани войны дальше продолжаться не может. Это, конечно же, не означало, что противоборство между Советским Союзом и Соединенными Штатами закончилось, оно оставалось, но неуклонно шло на убыль, а после того как рухнула Берлинская стена (ноябрь 1989 г.), холодная война фактически закончилась.

В третьей части триллера описываемые события связаны с опасным наследием холодной войны, которое омрачало отношения США и новой России, ставшей правопреемником окончательно распавшегося к концу 1991 г. Советского Союза. Это наследие, как убедительно показано Хоффманом, стало непреодолимым препятствием на пути выстраивания полноценного партнерства между *клинтоновскими США и ельцинской Россией*. От себя же замечу, что и поныне менталитет холодной войны в отношениях между США и Россией во многом не преодолен, даже несмотря на провозглашенную сорок четвертым американским президентом Бараком Обамой *перезагрузку*, которая, как мне представляется, искренне была поддержана третьим российским президентом Д. А. Медведевым. Здесь невозможно не согласиться с Хоффманом, который утверждает: «Оружие, способное уничтожить цивилизацию, это наследие холодной войны, все еще с нами. *Мертвая рука* нашего времени, этот смертоносный арсенал, по-прежнему угрожает миру, хотя его создатели давно ушли в небытие» (с. 46).

НА ГРАНИ ВОЙНЫ

В главе первой «На грани войны» повествуется о тех событиях, которые предопределили неизбежность резкого обострения отношений между СССР и США к весне 1983 г.



Хоффманом весьма точно подмечено, что определяющим фактором, положившим начало дальнейшему обострению противоборства Советского Союза и Соединенных Штатов, стал приход к власти в США в январе 1981 г. сорокового президента Рональда Рейгана. Реакция на это советских руководителей «оказалась просто параноидальной» (с. 56). Их напугал рейгановский яркий антикоммунизм и отторжение им политики взаимного ядерного сдерживания, которой до этого следовали СССР и США. Это было расценено как угроза развязывания ядерной войны, и руководство Советского Союза запустило новую программу сбора разведывательных данных по всему миру под кодовым названием РЯН (ракетно-ядерное нападение) (с. 61) в целях «поиска признаков подготовки Запада к войне» (с. 85).

К такой реакции советское руководство подтолкнуло демонстративное наращивание Соединенными Штатами ядерных вооружений: «Рейган возобновил работу над бомбардировщиком *B-1*, остановленную Картером, потребовал ускорить введение нового режима базирования¹ для новой ракеты *MX*, а также создания новой баллистической ракеты *Трайденд II (D-5)*, запускаемой с субмарин и обладавшей большой точностью и дальностью. Кроме того, Рейган одобрил секретный план агрессивных морских и воздушных учений США, в сценарии которых в качестве цели был обозначен Советский Союз» (с. 57).

Выступление Рейгана 8 марта 1983 г. в Орландо (штат Флорида) перед группой протестантских священников стало тем событием, которое надолго отравило отношения между СССР и США. В этом выступлении Рейган охарактеризовал Советский Союз как «средоточие зла в современном мире»², с которым нельзя иметь дело (с. 87). А спустя две недели в телевизионном обращении к нации Рейган провозгласил идею Стратегической оборонной инициативы (СОИ), которая позволит американцам защититься от советской ядерной угрозы и «сделать ядерное оружие бессильным и отжившим свое» (с. 90). Тем самым американский президент обозначил, что он намерен добиться решающего военного превосходства над СССР, руководство которого в своей военно-политической стратегии сдерживания США ставку делало как раз на обладание ядерным оружием.

В главе второй «Военные игры» освещаются события, которые способствовали нагнетанию напряженности в отношениях между СССР и США в период конца весны и лета 1983 г.

Больше всего в то время советское руководство пугала не туманная концепция СОИ, а, как правильно отмечено Хоффманом, «грядущее размещение в Европе ракет *Першинг-2*, которые, как думали в Кремле, могут долететь до Москвы за шесть минут» (с. 91).

Советским властям казалось, что все оборачивается против них. И на самом деле, США стали увеличивать военное давление на СССР. Как пишет Хоффман: «В апреле и мае 1983 г. Тихоокеанский флот США провел крупнейшие со времен Второй мировой войны учения на севере Тихого океана, у полуострова Камчатка. Сорок кораблей, в том числе три боевых группы с авианосцами в составе, участвовали в масштабных маневрах под кодовым названием *FLEETEX 83-1*» (с. 96, 97). Направленность этих учений носила ярко выраженный провокационный характер.

Эти учения в любом случае вызвали бы тревогу советского руководства, но в данной ситуации был еще один усугубляющий аспект. Стало известно, что произошедшее 4 апреля нарушение шестеркой американских палубных самолетов *F-14* советского воздушного пространства над Курильскими островами было не случайным, а преднамеренным: согласно отданному на учении приказу эти самолеты осуществили учебную бомбардировку военной базы на советском острове Зеленый. Этот вскрывшийся факт вызвал крайнюю настороженность у советского руководства, которое и без того испытывало страх перед обезглавливающим ракетно-ядерным ударом, возможность нанесения которого США обретали с развертыванием ракет *Першинг-2* в Европе.

Эту предгрозовую обстановку я, как говорится, *ощущал на своей шкуре*. Все лето 1983 г. главный штаб РВСН, в котором мне довелось служить, организовывал и проводил мероприятия, связанные с повышением готовности войск к внезапному развязыванию ядерной войны.

Осенью того же года произошло несколько событий, которые стали следствием возникшей резкой конфронтации между СССР и США. О них говорится **в главе третьей «Военный психоз»**.

Первое из этих событий — трагическая гибель 269 пассажиров и членов экипажа южнокорейского гражданского самолета *Боинг-747*, вылетевшего из Анкориджа на Аляске в Сеул 31 августа 1983 г. Из-за ошибки экипажа *Боинг-747* вторгся в воздушное пространство Советского Союза, пролетел над полуостровом Камчатка и в 3 часа 25 минут утра (в темное время суток) 1 сентября был сбит советским истребителем *Су-15* над Сахалином, поскольку по ошибке был принят советской ПВО за американский самолет-разведчик *РС-135*. Формально к трагедии привели две вышеуказанные фатальные ошибки. Но последствия этих ошибок наверняка были бы не столь трагичными, если бы *стараниями* американских военных ситуация на советском Дальнем Востоке не была доведена до *белого каления*.

В Вашингтоне уничтожение южнокорейского гражданского самолета расценили как преднамеренное массовое убийство³. В Москве же всячески изворачивались и лгали, стремясь снять ответственность с советских военных за случившуюся трагедию. Но, как отмечено Хоффманом, «умышленное запутывание вопроса лишь усугубило подозрения на Западе. Молчание и неправда со стороны Советского Союза выглядели действиями настоящей империи зла» (с. 123). И с такой нелюбезной оценкой невозможно спорить.

После трагедии с южнокорейским самолетом отношения между СССР и США еще больше ухудшились, а военный психоз нарастал. Хоффман ссылается на мемуары Рейгана, в которых тот писал: «Инцидент с KAL как ничто иное показал, насколько близко мир подошел к войне и насколько нам нужен контроль над ядерными вооружениями. Если, как некоторые предполагают, советские пилоты просто по ошибке приняли авиалайнер за военный самолет, то много ли воображения надо, чтобы представить себе, как советский военный, чей палец приближается к кнопке запуска ядерных ракет, совершает еще более трагическую ошибку?» (с. 124).

Опасения Рейгана о возможности совершения подобной по последствиям ошибки были не беспочвенными, хотя в момент, когда он об этом писал в дневнике, ему не было известно, что произошло в ночь с 26 на 27 сентября 1983 г. на командном пункте советской системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), о чем Хоффман повествует в Прологе к триллеру. Тогда из-за случившегося сбоя в работе этой еще не отлаженной системы, от которой, по образному выражению Хоффмана, «зависела судьба мира» (с. 26), СССР и США могли быть ввергнуты в ядерную войну. Избежать этого удалось только благодаря самообладанию и профессионализму подполковника Станислава Петрова, возглавлявшего дежурную смену на командном пункте СПРН, который сумел правильно интерпретировать выданную этой системой ложную тревогу о запуске американских МБР и не задействовал систему оповещения о ракетном нападении (с. 28).

Своего пика военный психоз достиг в начале следующего месяца, когда 2 ноября начались 10-дневные крупномасштабные учения НАТО под кодовым названием *Able Archer*. «[Учения] были нацелены на то, чтобы отработать сценарии полномасштабного ядерного конфликта в Европе. Советский Союз давно опасался, что такие тактические упражнения могут быть использованы как прикрытие для реального нападения; советские планы войны предусматривали возможность подобно-го обмана» (с. 134, 135). Считаю, что Хоффман прав в своих утверждениях.

В ночь с 8 на 9 ноября, когда учения *Able Archer* вошли в активную фазу, агенты советской разведки в Западной Европе, как свидетельствует Хоффман, «получили срочные шифровки из Москвы, где ошибочно сообщалось о тревоге на американ-



ских военных базах, и им было предписано срочно сообщить о причинах *тревоги* и других признаках военных приготовлений» (с. 135, 136). К счастью для человечества, советские агенты не подтвердили наличия подготовки американцев к войне, в противном случае недостоверная агентурная информация могла послужить *случайным крючком* для развязывания военного конфликта, который неизбежно бы перерос в ядерную войну.

Как очевидец и в определенной мере участник тех событий замечу, что и в РСВН на период с 5 по 11 ноября 1983 г. был введен режим военной настороженности: весь руководящий состав войск должен был неотлучно находиться на своих рабочих местах.

По окончании натовских учений военный психоз немного ослаб. Хоффман обоснованно утверждает, что «сверхдержавы все же не стремились вступить на минное поле» (с. 136). Прозрел и Рейган, осознав, что опасность развязывания войны в 1983 г. была реальной. Сороковой президент США решил вернуться к той политике в отношении Советского Союза, которую проводили его предшественники.

Главами шестой и седьмой Хоффман завершает первую часть своего триллера.

В главе шестой «Мертвая рука» он раскрывает причины, которые подвинули советское руководство к созданию неуязвимого подземного командного пункта в Уральских горах под названием *Грот* (с. 203) и *машине Судного дня*⁴, гарантирующей возмездие — запуск ядерных ракет, даже если все военно-политическое руководство СССР погибнет от ядерного удара противника (с. 205). Главное, к чему стремилось советское руководство, создавая дорогостоящие командный пункт *Грот* и *машину Судного дня*, — это избавиться от изнуряющего страха внезапного ядерного нападения США, который приобрел параноидальный оттенок, после того как в конце 1983 г. Соединенные Штаты разместили в Западной Европе баллистические ракеты *Першинг-2* и крылатые ракеты наземного базирования *BGM-109*, а Советский Союз в знак протеста против этого вышел из переговоров по контролю над вооружениями в Женеве.

ПОИСК ВЫХОДОВ

В главе восьмой «Так дальше жить нельзя», которая открывает вторую часть триллера Хоффмана, повествуется о том, как и с какими намерениями к власти в СССР пришел М. С. Горбачев. **В главе десятой «Щиты и мечи»** рассказывается о том, как Горбачев и Рейган готовились к первому их саммиту в Женеве и как этот саммит прошел. В области внешней политики, как свидетельствует Хоффман, «у Горбачева на уме были не просто косметические перемены, но практически поворот на 180 градусов. [...] Он хотел расчистить *снежные заносы* времен холодной войны» (с. 276). Но чтобы это осуществить, ему недоставало реальных данных. «Нам крайне необходима объективная информация, показывающая не то, что мы хотели бы видеть, а то, что есть на самом деле», — взывал Горбачев к Политбюро ЦК КПСС (с. 275). Но *старая гвардия*, как утверждает Георгий Шахназаров, помощник Горбачева, «докладывала что-то одно, а думала и делала совершенно другое, это была игра в кошки-мышки» (с. 275).

В июне 1985 г. Горбачев решился на перемены. На заседании Политбюро он сместил Громыко с поста министра иностранных дел и сделал его председателем Верховного Совета СССР. На его место был назначен Э. А. Шеварднадзе, который сделал карьеру в Грузии и был близок к Горбачеву. На том же заседании Политбюро Горбачев поручил выходцу из Ленинграда Л. Н. Зайкову курировать военно-промышленный комплекс (ВПК). Эти предпринятые Горбачевым шаги позволяли ему постепенно освобождаться от пут *старой гвардии* и проводить более самостоятельную политику. Но, как подмечено Хоффманом, «Горбачев был все еще в начале пути и не контролировал ситуацию» (с. 282).

Проявилось это вскоре, в июле, при обсуждении в ЦК КПСС представленного Военно-промышленной комиссией грандиозного и затратного проекта советских *звездных войн*⁵, как ответа на СОИ Рейгана. Несмотря на свою внутреннюю убежденность в ненужности и даже вредности этого проекта, втягивающего страну в новую гонку вооружений, Горбачев не решился противостоять мнению большинства в ЦК КПСС, где было засилье военных и представителей ВПК, и не стал возражать против одобрения представленного проекта.

Но уступив, Горбачев сформировал свой вариант *асимметричного ответа* на американскую СОИ — «заключить сделку с Рейганом, прекратить создание гигантской военной машины [противоракетной обороны страны. — В. Е.], которой США еще не обладали и которую Советский Союз никак не мог воспроизвести, и вместо этого добиться того, чего хотели оба лидера: серьезного сокращения существующего ядерного оружия» (с. 288).

В рамках подготовки к саммиту 5 ноября Москву посетила американская делегация во главе с госсекретарем Джорджем Шульцем. Встреча американцев с Горбачевым фактически закончилась ничем. Хоффман пишет: «Горбачев был раздражен и не настроен идти на компромисс. Он резко критиковал СОИ и предупредил: «Если Рейган будет продолжать со своим планом *звездных войн*, то мы займемся наращиванием наступательных вооружений, которые сломают ваш щит» (с. 296, 297). После того как Шульц вернулся и рассказал Рейгану о результатах поездки, американский президент резюмировал: «В Женеве мне понадобится сестра с ним [Горбачевым. — В. Е.] где-нибудь наедине и вправить ему мозги» (с. 297).

Саммит в Женеве⁶ начался утром 19 ноября встречей Рейгана и Горбачева наедине, присутствовали только переводчики. На последовавшей формальной встрече в расширенном составе руководители СССР и США приняли решение обсуждать гонку вооружений. Дискуссия Горбачева и Рейгана результата не дала. Хоффман отмечает: «Они ходили по кругу — Горбачев пытался уговорить Рейгана отказаться от мечты, Рейган описывал Горбачеву ее преимущество» (с. 301). Оценивая значимость состоявшегося саммита, Хоффман констатирует: «Реформатор из Ставрополя и голливудский мечтатель добились передышки после долгих лет напряженности и страха. Они отбросили страхи перед ядерной атакой. [...] Оба хотели, чтобы в мире было меньше ядерного оружия, и они вместе сделали в Женеве первый шаг по этому пути. Слова имеют силу. Они нашли эти слова. Теперь нужно было переходить к делу» (с. 304).

В главе одиннадцатой «Дорога в Рейкьявик» Хоффман повествует об инициативе Горбачева о полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г., реакции Рейгана на эту инициативу и о том, что обсуждали лидеры двух сверхдержав на саммите в Рейкьявике и почему им не удалось заключить соглашение о радикальном сокращении ядерных вооружений.

Горбачев был неудовлетворен результатами саммита в Женеве и стал искать новые инициативы. Вот тогда-то, как отмечает Хоффман, и пригодился разработанный под руководством начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР маршала С. Ф. Ахромеева проект под названием «Предложения СССР по программе полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г.» Ознакомившись с этим документом в начале января 1986 г., Горбачев произнес: «Вот это то, что нужно» (с. 307).

В сжатые сроки был подготовлен текст заявления Генерального секретаря ЦК КПСС о ядерном разоружении, который 15 января был озвучен диктором в вечерней телевизионной программе *Время*, а на следующий день заявление Горбачева было опубликовано в официальных советских газетах *Правда* и *Известия*. Как пишет Хоффман, «Горбачев предложил на первом этапе (5–8 лет) остановить все ядерные испытания, вполнину сократить стратегические арсеналы сверхдержав (до 6000 боеголовок у каждой стороны) и вывести из Европы американские и советские ракеты средней дальности. [...] Он также призвал к отказу США и СССР



на взаимной основе от *космического оружия* (отсылка к СОИ Рейгана). На следующем этапе, который должен был начаться в 1990 г. и продолжаться от пяти до семи лет, СССР и США продолжили бы сокращать свои арсеналы, и к ним бы присоединились другие ядерные державы — Франция, Великобритания и Китай; Соединенные Штаты и Советский Союз ликвидировали бы тактическое ядерное оружие. Наконец, на третьем этапе, к 2000 г., все страны избавились бы от ядерного оружия и подписали всемирный пакт об отказе от него» (с. 307, 308).

Заявление Горбачева американским истеблишментом было встречено неоднозначно, но, как свидетельствует Хоффман, «Рейгану понравилось то, что он услышал в предложениях Горбачева. [...] На следующий день он сказал журналистам: «В первый раз кто-то предложил действительно ликвидировать ядерное оружие» (с. 310). Но в администрации американского президента преобладали скептики, которые не могли принять мысль о том, что мир подойдет к ликвидации ядерного оружия.

Горбачев не мог взять в толк, почему дух Женевских переговоров угасает. По его указанию было подготовлено приглашение Рейгану о проведении встречи в октябре, которое Шеварднадзе 19 сентября отвез в Вашингтон. Рейган, согласившись на встречу, оговорил, что это будет «короткая встреча один на один, возможно, всего на один день, для сугубо конфиденциальной, личной и откровенной дискуссии, возможно, в присутствии только министров иностранных дел» (с. 335). Но Горбачев думал о чем-то большем. Как отмечает Хоффман, «он хотел предложить Рейгану нечто, имеющее *прорывной потенциал*; вверху его списка стояла "ликвидация ядерного оружия"» (с. 337).

К утру второго дня встречи, как пишет Хоффман, «в результате драматических ночных переговоров, потрясающие соглашения о сокращении ядерных арсеналов были оформлены на бумаге. Если бы саммит на этом прекратился и два лидера подписали бумаги, то гонка вооружений совершила бы разворот» (с. 340, 341). Но этого не случилось. На возобновившейся встрече Горбачев настаивал на том, чтобы «оставить противоракетную оборону в лабораторных стенах», а Рейган не собиравшись уступить. Оба покинули Хефди разочарованными, предоставленный историей шанс развернуть гонку ядерных вооружений был упущен.

Глава двенадцатая «Прощай, оружие» посвящена в основном тем событиям осени 1986 г. и 1987 г., которые завершились проведением саммита Рейгана и Горбачева в Вашингтоне, где они подписали исторический Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД).

К неудовольствию Горбачева Рейган после саммита в Рейкьявике молчал. Ему было не до этого — Рейгана отвлекали внутренние проблемы в США.

Чтобы преодолеть возникшую паузу в отношениях между СССР и США, Горбачеву нужны были новые смелые идеи. 25 февраля 1987 г. А. Н. Яковлев, директор ИМЭМО, представил ему меморандум, в котором доказывал, что пришло время *развязать пакет*⁷ и добиваться отдельных соглашений, касающихся ядерных вооружений. Он утверждал, что первым в списке приоритетов должно быть *отдельное* соглашение по ракетам средней дальности, ослабляющее угрозу американских ракет *Першинг-2*. 28 февраля Горбачев сделал заявление: «Советский Союз предлагает, чтобы вопросы по ракетам средней дальности в Европе были отделены от *пакета* и чтобы по этому вопросу было заключено отдельное соглашение, и без промедления» (с. 360).

8 декабря 1987 г. в Вашингтоне Рейган и Горбачев подписали Договор РСМД. Оценивая значимость этого договора, Хоффман пишет: «Впервые за всю ядерную эпоху СССР и США отказались от целого класса вооружений и вводили строгие условия проверок. Этот шаг не избавил человечество от ядерной угрозы, но стал совместным достижением мечтателя Рейгана и радикала Горбачева — ядерных *аболиционистов*, нашедших друг друга» (с. 380). Пожалуй, лучше и не скажешь о значимости Договора РСМД, чем Хоффман.

Главы четырнадцатая, пятнадцатая и шестнадцатая завершают вторую часть триллера Хоффмана.

События, о которых повествуется в главе четырнадцатой «Потерянный год», связаны с завершением президентства Рейгана и первым годом правления в США сорок первого президента Джорджа Буша-старшего. Для Рейгана 1988 г. стал концом холодной войны. Однако вице-президент США Буш, который вел избирательную кампанию, надеясь стать преемником Рейгана, «не разделял энтузиазм Рейгана. Он сомневался, что в Москве действительно идут перемены [...] и несколько недель спустя заявил: «Холодная война не закончилась» (с. 402, 403). Победив на выборах и придя к власти в США, Буш «решил не проводить саммит с Горбачевым» (с. 405). Долгожданная встреча Горбачева с Бушем все же состоялась 2–3 декабря 1989 г. на Мальте, но никаких решений на саммите принято не было.

В **главе пятнадцатой «Величайший прорыв»** Хоффман повествует о событиях конца 1989 г. и 1990 г., которые затронули СССР и подвели его к последующему распаду, а в **главе шестнадцатой «Год опасностей»** — о событиях 1991 г., которые в Советском Союзе завершились августовским путчем.

Хоффман пишет: «Зимой 1991 г. Горбачев, которому скоро исполнялось шестьдесят, чувствовал, что выдохся. Его попытка создать реальную, конкурентную политику привела к восхождению сильного соперника — Ельцина. Тот стал объединяющей фигурой для многих оппонентов Горбачева, партии и действующей власти. Национальные окраины, которые Советский Союз долго душил, стали пробуждаться, рассчитывая на независимость. Этого Горбачев не предвидел» (с. 458). А мне, как очевидцу тех событий, представляется, что Горбачеву недоставало еще и решительности, да к тому же он часто уходил от ответственности.

Должен согласиться со сделанным Хоффманом выводом: «Горбачев пытался выиграть время, удовлетворить запросы *старой гвардии*, при этом цепляясь за прогрессивных интеллектуалов, сторонников перестройки. Но он не мог делать одновременно и то, и другое — и в итоге не преуспел ни в чем. [...] Страна сорвалась с якоря, Горбачев утратил контроль» (с. 459, 460). Это привело к тому, что узкий круг советских реакционеров из КГБ, армии и партии стал сговариваться, решая, как взять власть в свои руки.

Вместе с тем затянувшиеся советско-американские переговоры по стратегическим ядерным вооружениям к удовлетворению обеих сторон завершились успешно. Это позволило Горбачеву и Бушу провести в конце июля в Москве саммит, на котором они подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1). Оценивая это событие, Хоффман отмечает: «Это соглашение [...] было не столь радикальным, как Рейган с Горбачевым представляли себе в Рейкьявике. Вместо ликвидации всех баллистических ракет или сокращения ядерных боеголовок на 50 %, договор уменьшал силы двух сверхдержав примерно на 30 %. [...] К этому моменту и следа не осталось от старых дебатов о СОИ — а ведь именно из-за этого саммит в Рейкьявике потерпел неудачу. Горбачев, так долго и так шумно протестовавший против космических вооружений, не сказал о них ничего, а Буш — упомянул мимоходом. ВПК призывал Горбачева создать советскую машину *звездных войн*. Он не пошел на это. Горбачева также призывали создать ракетные силы возмездия — *асимметричный ответ*, позволяющий пробить американский щит. Он не согласился и на это. То, что Горбачев не сделал, было среди его величайших достижений» (с. 469, 470). Я согласен с такой оценкой, но добавлю следующее. В то время советские технологии в принципе не позволяли создать машину *звездных войн*, так, что если бы этому проекту Горбачев дал *зеленый свет*, то на выходе ничего бы не получилось, а выделенные огромные средства оказались бы бросовыми затратами.



НАСЛЕДИЕ

В главе семнадцатой «Великое разоблачение», которая открывает третью часть триллера Хоффмана, повествуется о событиях осени 1991 г. и окончательном распаде СССР.

После августовского путча лидеры ведущих западных стран окончательно поняли, что дни существования Советского Союза сочтены. В Вашингтоне беспокоились за безопасность советского ядерного арсенала, особенно тактического ядерного оружия. Потеря централизованного контроля над этим оружием представляла угрозу для США.

Как пишет Хоффман, «Буш обсудил с Брентом Скоукрофтом [советником президента по национальной безопасности. — В. Е.] возможность новой радикальной инициативы, направленной на снижение вероятности ядерной войны. При всех призывах к благоразумию и своей осторожности Буш решил действовать смело. [...] В телевизионном выступлении из Белого дома 27 сентября Буш объявил, что Соединенные Штаты откажутся от всего наземного тактического ядерного оружия и снимут такое оружие с кораблей» (с. 487, 488). Спустя 10 дней к инициативе Буша присоединился Горбачев. Он «объявил о ликвидации всего тактического ядерного оружия наземного базирования и выводе тактического ядерного оружия с кораблей и подводных лодок» (с. 488). «Обещания Буша и Горбачева не были обязательными, и их реализацию нельзя было проверить, но это был самый спонтанный и драматический разворот за всю историю гонки вооружений» (с. 489). Историк Рэймонд Гартхофф назвал это *гонкой вооружений наоборот* (с. 488).

Но Советский Союз оказался не готов к *гонке вооружений наоборот*: ему требовалась помощь в обеспечении безопасной перевозки, складировании и хранении большого количества ядерных боезарядов, изымаемых из войск. Хоффман подробно описывает те большие усилия, которые понадобилось приложить американскому сенатору-демократу Сэму Нанну, тогда председателю сенатского комитета по вооруженным силам, чтобы склонить американский парламент к выделению Советскому Союзу столь необходимой помощи. В конце концов он совместно с сенатором-республиканцем Ричардом Лугаром подготовил закон о снижении советской ядерной угрозы, и в ноябре они смогли этот закон провести через Конгресс. По этому закону ежегодно выделялось 400 млн долларов на оказание помощи Советскому Союзу в обеспечении ядерной безопасности.

А в это время Советский Союз продолжал разваливаться. «Ситуация была настолько тревожной, что Бейкер, выступая в Принстоне 12 декабря, даже не мог подобрать подходящих слов, чтобы описать гибнущий Советский Союз. [...] А в конце речи Бейкера были такие слова: «Если во время холодной войны мы тратили триллионы долларов на ракеты и бомбардировщики, чтобы уничтожить советское ядерное оружие в случае войны, то сейчас, конечно же, мы можем потратить какие-то миллионы на то, чтобы ликвидировать его и обеспечить контроль над ним в мирное время» (с. 498). В тот же день Буш подписал закон о снижении советской ядерной угрозы, который широко известен как закон Нанна–Лугара.

Здесь замечу, что оказанная по этому закону американская помощь в *лихие девяностые* годы России и таким новым независимым государствам, как Украина, Казахстан и Белоруссия, на территории которых оставалось советское ядерное оружие, была неоценимой. В частности, в РВСН в те годы ликвидация выводимых из эксплуатации устаревших ядерных вооружений осуществлялась за американские деньги, у нашей страны на это просто не было средств.

В главе восемнадцатой «Ученые» повествуется о развале, постигшем военно-промышленный комплекс России и о его последствиях для международного сообщества.

«Печальная реальность тех лет: многие не смогли адаптироваться к новому миру и оказались брошены на произвол судьбы. Среди них ученые, занимавшиеся

вооружениями, а также работники ВПК. Ельцин желал деградации ВПК» (с. 512). Это утверждение Хоффмана — горькая правда. Выбранная Ельциным и его окружением модель перехода к рыночной экономике никоим образом не учитывала специфики функционирования доставшегося России от Советского Союза ВПК. В 1992 г. ВПК лишился какого-либо гособоронзаказа и был обречен на самовывживание. О том, чтобы реструктурировать конструкторские бюро и предприятия ВПК и обратить их на выпуск коммерческих продуктов и услуг, которые они могли предлагать западным инвесторам, никто из членов российского правительства даже не помышлял.

Но США, как повествует Хоффман, были встревожены таким положением в российском ВПК и серьезно озаботились проблемой *утечки мозгов* в страны, стремящиеся стать обладателями оружия массового поражения. В середине февраля 1992 г. Бейкер посетил на Урале закрытый научно-исследовательский институт технической физики (*Челябинск-70*), который занимался разработкой ядерных боезарядов. Там он «встретился с 25 ведущими научными сотрудниками института, которые поведали ему о резком ухудшении условий жизни. Бейкер призвал их не терять надежду [...] и рассказал о планах Запада создать на средства международных фондов новый центр для поддержки научной и технической работы» (с. 513, 514). По возвращении из *Челябинска-70* Бейкер встретился с Ельциным. О результатах этой встречи Хоффман пишет так: «Они объявили о формировании Международного научно-технического центра (МНТЦ), чтобы помочь разработчикам оружия переключиться на гражданские проекты. Соединенные Штаты пообещали вложить в него 25 млн долл. Германия предложила воспользоваться помощью Евросоюза» (с. 517).

МНТЦ открылся в Троицке Московской области на фондах научно-исследовательского института импульсной техники. Но «ни в 1992, ни в 1993 г. центр не мог выдать гранты [из-за бюрократических препон. — В. Е.] [...], и он начал финансировать проекты только в марте 1994 г. Первыми гранты получили специалисты по ядерному оружию и ракетам, то есть люди, чьи знания не должны были стать достоянием широкого круга лиц» (с. 517, 518). Конечно, представляемые через МНТЦ гранты не были, да и не могли стать *панацеей* от распада оборонных конструкторских бюро и предприятий, но в то тяжелое время они оказали существенную помощь тем российским ученым, которые хотели остаться в России.

В главе девятнадцатой «Откровения» повествуется о том, как на заре новой России люди без страха вставали на борьбу с ложью прошлого и раскрывали секреты гонки вооружений.

Один из приведенных Хоффманом случаев связан с оказанной американцами помощью российским военным в обеспечении безопасной перевозки по железной дороге тактических ядерных боеприпасов. Как уже упоминалось, Советский Союз оказался неготов к инициированной Бушем и Горбачевым *гонке вооружений наоборот*, которую 29 января 1992 г. в своем обращении к россиянам поддержал Ельцин. Он заверил международное сообщество, что в течение ближайших пяти месяцев (к 1 июля) все советское тактическое ядерное оружие, которое оставалось у бывших союзных республик, будет вывезено в Россию. Чтобы выполнить данное Ельциным обещание, российские военные нуждались в поставке сотни надежных вагонов для транспортировки ядерных боеприпасов. Американцы были готовы оказать такую помощь, но для этого им нужно было ознакомиться с конструкцией созданного в советское время спецвагона *ВГ-124*. Начальник 12-го Главного управления Минобороны России генерал-лейтенант С.А. Зеленцов, в ведении которого находилось ядерное оружие, опасаясь раскрыть секреты, отказал американцам в осмотре вагона *ВГ-124*. Тогда американский генерал-майор в отставке Уильям Бернс, которому госдепартамент США поручил заниматься проблемой оказания помощи России в обеспечении безопасной перевозки ядерных боеприпасов, решил на необычный по тем временам шаг. «Бернс договорился, чтобы российская делегация посетила Сандийскую национальную лабораторию в Альбукерке, штат Нью-Мексико. [...] Там американцы организовали два инструктажа



и рассказали русским, как они реагируют на чрезвычайные происшествия с ядерным оружием. [...] «Своей честностью и открытостью, рассказами о том, как мы портачили, какие уроки из этого вынесли, мы их ошеломили», — вспоминал Бернс» (с. 529, 530). Зеленцов, возглавлявший российскую делегацию, проникся открытостью американских ядерщиков и снял свои возражения в отношении доступа американских специалистов к вагону ВГ-124.

Завершая повествование об этом случае, Хоффман констатирует: «Это был поразительный случай сотрудничества, учитывая недоверие, с которым столкнулся Бернс, и секретность, окружавшую ядерное оружие» (с. 530).

В главе двадцать первой «Сапфир» речь идет о тех проблемах, которые возникли вследствие ослабления контроля за ядерными материалами в новых независимых государствах, образовавшихся после распада Советского Союза.

«Когда СССР распался, Казахстан унаследовал четвертый в мире по величине ядерный арсенал» (с. 558). После некоторых колебаний Н. А. Назарбаев, ставший главой обретшего самостоятельность Казахстана, согласился передать ядерные вооружения России, но он, как отмечает Хоффман, «не мог найти применения высокообогащенному урану из Усть-Каменогорска» (с. 559), который в количестве 600 кг хранился на металлургическом заводе в Ульбе (с. 557).

Оценивая проект *Сапфир*, Хоффман пишет: «При всей смелости и изобретательности его участников, проект *Сапфир* показал, чего можно добиться, а чего нет. Американцы проникли в другую страну, готовую к сотрудничеству, и выкупили опасные материалы. Но эту операцию нельзя было повторить в России, где было гораздо больше не только урана и плутония, но и разного рода подозрений. [...] В конце 1994 г. американский правительственный секретный комитет подготовил доклад о масштабах российского кризиса. Авторы доклада заключали: на территории бывшего СССР ни на одном объекте, где хранится высокообогащенный уран или плутоний, не приняты меры предосторожности, предусматриваемые западными стандартами» (с. 577, 578).

Я не собираюсь опровергать выводы американского правительственного комитета, они по большому счету отражали истинное положение дел. Впоследствии Министерство энергетики США оказало большую помощь в доведении до стандартов МАГАТЭ систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов на тех объектах России, Казахстана, Украины и других республик бывшего СССР, где производятся и хранятся расщепляющиеся материалы. Но отмечу такой факт. Когда в 1997 г. главнокомандующего стратегического командования вооруженных сил США генерал Юджин Хабигер посетил один из ядерных арсеналов 12-го Главного управления Минобороны России, он отметил, что система охраны и режим доступа на этом объекте ни в чем не уступают принятым в американских вооруженных силах стандартам.

В эпилоге, как мне представляется, автор *убийственно точно* характеризует сложившуюся сегодня в мире ситуацию: холодная война давно закончилась, а *мертвая рука* гонки ядерных вооружений все еще жива. И это аномально для человечества, которое до сих пор не избавилось от оружия, способного его уничтожить.

Политикам, стоящим во главе государств — обладателей ядерного оружия, надо перейти от слов к практическим делам, чтобы статья VI ДНЯО, вступившего в силу в 1970 г., к которому присоединилось подавляющее большинство государств мира, наконец-то воплотилась в реальность, и ядерное оружие навсегда кануло в Лету. Но для этого надо изменить и сам мир, выстроив общее пространство безопасности, чтобы ни одно из государств не подвергалось внешней угрозе. Ключевое условие — обеспечение равной и неделимой безопасности. В противном случае мир без ядерного оружия так и останется недостижимой мечтой человечества.

Представленный читателям документальный триллер Дэвида Хоффмана посвящен самому сложному периоду прошлого столетия и характеризует международную обстановку в тот период как балансирующую на грани мировой войны, в том числе с применением ядерного и других видов оружия массового поражения. Книга позволяет всесторонне посмотреть на природу зарождения и развития противостояния между США и СССР, как выражается автор, «заглянуть по обе стороны железного занавеса».

ОТРАЖЕНИЕ...

Как мне представляется, не будь Дэвид Хоффман спецкором газеты *Вашингтон Пост* и главой московского бюро этого издания, вряд ли бы он смог так подробно осветить двусторонний процесс развития международных отношений в этот период. Это был период, когда ракетно-ядерное оружие рассматривалось и США, и Россией как один из важнейших инструментов ядерного сдерживания агрессии, обеспечения своей военной безопасности, поддержания международной стабильности и мира. При этом одной из важнейших проблем в теории применения ядерного оружия являются системы управления и предупреждения о ракетно-ядерном нападении. Этой проблеме в книге уделено достаточно много внимания, а учитывая то, что эти вопросы объективно всегда были закрыты и в США, и в СССР, книга весьма интересна и познавательна в историческом плане. Хоффман показывает различного рода риски, возникавшие при создании стратегических наступательных и оборонительных систем, которые могли привести к непоправимым последствиям.

Опираясь на уникальные архивные документы — документы государственных структур и спецслужб США, свидетельства очевидцев и участников значительного количества процессов и событий, — авторитетный американский журналист в области внешней политики, спецкор газеты *Вашингтон Пост* в Белом доме в период правления Рональда Рейгана смог сформировать целостную картину холодной войны и в частности событий 1970–1980-х гг. Не вызывает сомнений, что автор и его коллеги, чья информация и материалы использованы при подготовке книги, глубоко понимают суть происходивших в США политических процессов.

Вместе с тем мой опыт службы в этот период в Вооруженных силах СССР, а затем и России на достаточно высоких должностях позволяет утверждать, что многие события и процессы, отражающие действительность в СССР (России) в период холодной войны, представлены в книге недостаточно объективно, со специфическим эмоциональным подходом к их отражению. Я не склонен утверждать, что автор преследовал при этом какую-то определенную цель. Причиной этому, на мой взгляд, является то, что многие процессы рассматривались не на основе архивных документов, как это имеет место при освещении процессов, происходивших в США, а базировались на фактах и интерпретациях, полученных из бесед. Люди, с которыми беседовал автор, зачастую могли действовать не в интересах государства или же попросту не являлись компетентными специалистами, и порой выдавали плоды своих фантазий, находясь за пределами России в поисках лучшей жизни, за действительность, которая интересовала огромное количество зарубежных спецслужб и СМИ. Это был очень сложный период в обществе, когда на всех уровнях государственного управления чиновники забыли о присяге своему народу и государству, потеряли чувство ответственности. Справедливости ради необходимо отметить, что этому способствовала обстановка, которая сложилась в России в процессе демократических преобразований.

К примеру, на основе информации, полученной от В. Е. Ярынича, моего бывшего коллеги, полковника РВСН, автор построил для читателя образ *мертвой руки* — изначально автоматической системы, когда компьютер сам принимает решение о запуске ракет. Прежде всего должен заметить, что Ярынич в интервью выдал



далеко не достоверную информацию, базирующуюся на слухах, которые он мог слышать из таких же недостоверных источников. Во-вторых, он не имел никакого отношения к так называемой *автоматической системе*, кроме как к телефонному аппарату и радиостанции, и поэтому достоверной информацией обладать не мог. Но, как утверждает автор, затем подходы к решению задачи изменились, и последнее слово осталось за небольшой командой дежурных офицеров, которые несли дежурство в бункере. Автор назвал эту систему *машиной Судного дня*.

...И РЕАЛЬНОСТЬ

Были ли у России другие варианты для сдерживания и что она могла тогда противопоставить плану ядерной войны, который был разработан в 1960 г. в США и утвержден президентом Дуайтом Эйзенхауэром, в соответствии с которым США могли нанести ядерный удар с применением 3500 ядерных зарядов? Этого было вполне достаточно, чтобы уничтожить СССР, Китай и их союзников. Более того, этот план не отвергался, а только совершенствовался последующими президентами США, а отношения при Рейгане, считавшего главной целью развалить советскую систему, накалились до предела и мир висел на волоске. В третьей главе автор книги отмечает: «Оглядываясь назад, Гейтс заключил, что ЦРУ пропустило важный поворотный момент». «Прокручивая в памяти обстановку тех дней, анализируя события, а теперь просматривая и документы, я не думаю, что Советы забили ложную тревогу, — писал он в мемуарах. — Может, они и не верили в то, что атака со стороны НАТО неизбежна уже в ноябре 1983 г., но тем не менее посчитали эту ситуацию очень опасной. И американские спецслужбы не смогли оценить степень их обеспокоенности. Проведенный в 1990 г. анализ действий ЦРУ в период военного психоза, хоть он и остался засекреченным, заканчивается аналогичным выводом. Угроза войны была реальной». Этим тезисом автор только подтверждает, что российское руководство правильно оценивало все планы и действия США, которые, как и сейчас, добивались доминирующего положения в мире и прежде всего над СССР.

В этой связи следует подумать, возможно, *мертвая рука*, о которой пишет автор, стала на том этапе фактором предотвращения ядерной войны и сдерживания угроз национальной безопасности СССР. Таким образом, вместо концепции *гарантированного уничтожения* появилась концепция *взаимного гарантированного уничтожения*. Концепция равной уязвимости и взаимного сдерживания стала символом холодной войны.

Не менее сказочной в книге представлена российская система раннего предупреждения о ракетном нападении и работа дежурной смены на командном пункте во главе с С. Петровым, который прослужил 26 лет в Вооруженных силах и в возрасте 44 лет так и не понял свою принадлежность к той области деятельности, которой занимался столько лет. Особенно эффектно в книге представлена *страшилка с ложной тревогой*. В этой системе действительно были ложные срабатывания, но только в период отработки системы, а не в период несения боевого дежурства. Ни один конструктор или руководитель не взял бы на себя ответственность поставить ее на дежурство, не будучи уверенным в ее надежности. Более того, этой системой и не предусматривалось автоматическое принятие решения на ответные действия, то есть нанесение ответного ядерного удара. К принятию решения на ответные действия во времена холодной войны руководители государства относились с полной ответственностью, осознавая последствия возможной ошибки. Этому в немалой степени способствовали и постоянные провокации со стороны США и НАТО на границах СССР и стран — участниц Варшавского договора.

В целом можно отметить, что книга Дэвида Хоффмана является результатом титанического труда, раскрывающего существо самого сложного периода не только во взаимоотношениях США–Россия, но и в международных отношениях в период холодной войны. Книга может быть хорошим пособием для анализа и извлечения

уроков из совершенных ошибок, а также предотвращения появления таких ошибок в практической деятельности государств и их политических деятелей в современных условиях, несмотря на существенные положительные сдвиги в международных отношениях. Выводы и уроки будут полезными до тех пор, пока существует оружие массового уничтожения, а лидеры государств планируют решение своих амбициозных политических планов с его помощью.

События последнего времени свидетельствуют о том, что роль ядерного фактора в мировой политике не уменьшается. Это является следствием, в том числе, и того, что лидеры государств, на словах признавая необходимость сокращения ядерного оружия, на деле продолжают наращивать стратегические наступательные и оборонительные системы. В результате этого режим нераспространения ядерного оружия не стал обязательным и универсальным для всех государств, прежде всего для стран третьего мира. А это может привести к слому сложившейся системы взаимного ядерного сдерживания ведущих ядерных держав мира. Статус ядерной державы по-прежнему велик, что дает дополнительный стимул *пороговым* государствам наращивать свои усилия по освоению и развитию ядерных технологий. Военно-политическое руководство многих стран рассматривает оружие массового поражения, наличие баллистических и крылатых ракет как необходимое условие сохранения влияния в регионе, а также как средство быстрого достижения целей. Все это может рано или поздно привести к тем рискам и последствиям, которые изложены в данной книге.

P. S. — Владимир Орлов

Я прочитал эту книгу уже давно. Отдельные главы — когда они были еще в рукописи. Две из них ПИР-Центр перевел, и мы первыми, с любезного разрешения автора, опубликовали их в журнале *Индекс Безопасности*⁸. Потом — книжку, как только она вышла в США, — сразу, залпом, и семь сотен страниц не были помехой; правы Есин и Лата, не сговариваясь назвав ее *триллером*.

Мне сразу очень захотелось написать рецензию на эту очень важную книгу.

Книгу очень важную — и потому, что ее автор — один из лучших публицистов Америки; и потому, что она получила в Америке высшее признание — Пулитцеровскую премию (2010); и еще потому — что она о России, о ядерном оружии — по-прежнему основе мощи нашей страны.

Но этот мой текст — ни в коем случае не рецензия. У меня попросту не получилось бы написать объективную рецензию — и потому что Дэвид — друг, и потому что мое имя есть в числе тех, кого он благодарит за вклад в написание этой книги, пусть этот вклад и был скромным.

Поэтому я обратился к трем крупнейшим российским экспертам в тех областях, о которых пишет Дэвид. Две рецензии — по ядерному оружию — вы только что прочитали. Их две именно потому, что взгляды российского профессионального сообщества на то, что пишет Дэвид, просто никак не могут быть одинаковыми; Есин и Лата в своих полярных оценках некоторых глав и сюжетов книги точно отражают эту общую полярность. Третьей рецензии нет пока: главы Дэвида, касающиеся биологического оружия, вызвали столь сильное отторжение наших потенциальных российских рецензентов, что они не захотели взяться за перо; вниманию авторов: место для такой рецензии — или тоже двух? — остается вакантным.

Но я все-таки не могу не поделиться *пятью соображениями*, которые по-прежнему волнуют меня, хотя книга давно прочитана и перечитана (включая и рецензируемый Есиным и Латой русский перевод — к слову, перевод в целом очень акку-



ратный и достойный, спасибо неизвестному мне Антону Ширикову и известному издательству *Астрель*).

Первое. Это очень **скрупулезная** книга. И это ее неоспоримый плюс. Она основана на таком массиве информации, которого еще никто не перелопачивал: ни в России, ни в Америке — нигде. Когда Дэвид только что завершил книгу, он сказал, даже с упреком: книга об этих временах и о роли ядерного оружия должна была прежде всего появиться в России, написанная российским автором. Дэвид, конечно, прав. Но такой книги не было. И уже одно то, что Дэвид взялся за этот труд, который включал в себя и массу источников на русском языке (которым Дэвид почти не владеет), говорит о его авторской смелости.

Второе. Это очень **искренняя** книга. Дэвид страстно отстаивает в ней свое убеждение, что человечество было бы более счастливо и безопасно без ядерного оружия. Советский Союз эпохи распада и ельцинская Россия для него — яркие *кейсы*, доказывающие его тезис о том, что с ядерным оружием не станет ни безопасней государству, ни счастливей людям, в нем проживающим.

Третье. Это очень **американская** книга. Конечно, трудно представить, чтобы могло быть иначе. Дэвид — американец (в Москве он работал, но с тех пор прошел уже десяток лет), в своих предыдущих трудах (включая действительно выдающихся *Олигархов*), как и в *Мертвой Руке* (до высочайшей планки *Олигархов* все-таки не дотягивающей) последовательно отстаивающий американские ценности, которые он разделяет. И меньше всего хочется становиться здесь в позу, притворно удивляясь, почему Дэвид *не понимает* Россию.

Дэвид и не собирался, и не должен был глядеть на Россию как *россиянин*. Ему совершенно достаточно того, что он периодически использует в книге голоса и взгляды людей из СССР, из России — хотя, правда, как-то так получилось, что большинство из них из СССР, из России сбежали (и это не добавляет сбалансированности).

То есть нет ни сбалансированности, ни попытки сбалансированности, — иначе, с точки зрения Дэвида, это вступило бы в противоречие с его стремлением — удавшись ему — быть искренним. Но в Америке и по-английски эта книга наверняка читается одними глазами. В России и по-русски она читается иначе. Искренность Дэвида наталкивается здесь... да нет же, не на лубянских читателей, а на искренность тех людей, которые непосредственно участвовали в событиях, о которых повествует Дэвид, знают о них не понаслышке, никуда не сбежали, не имели склонности к публичным разоблачениям, остались в России и видят эти события, как бы сказал Кортасар, *в ином свете*.

И примирения здесь быть не может.

Впрочем, как талантливый публицист, Дэвид очень близок к этому примирению, когда начинает анализировать трагическую фигуру маршала Ахромеева, столь важную для понимания того, что же произошло со страной (*нашей* страной; но для Дэвида — с *их* страной, и иного не дано). Дэвид завершает вторую часть мощным трагическим аккордом, воспроизводя текст записки, которую оставил повесившийся маршал. Вот она: «*Не могу жить, когда гибнет мое отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право уйти из жизни. Я боролся до конца*» (с. 479). Ахромеев часто появляется на страницах книги. Дэвид то и дело дает ему характеристики. Но цельного образа не выстраивается. Когда Ахромеев перестает быть для Дэвида просто подпоркой для тезиса о важности *ядерного ноля*, автор теряет интерес к его личности, и трагедия этой личности снижается до *еще одной* иллюстрации *неизбежности* краха СССР.

Четвертое. Я совершенно не могу согласиться с трактовкой Дэвидом роли единственного президента СССР. Горбачев и Хоффман давно знакомы, Горбачев щедро делился с Хоффманом своими воспоминаниями. Но это все равно не повод, чтобы

быть столь некритичным к лидеру, потерявшему страну. Хоффману гораздо лучше удастся — опять же, какая *американская* книга! — образ Рейгана; его Хоффман тоже хорошо знал, но тут удивительная пластика, интереснейшие оттенки в описании трансформации Рейгана и его мировоззрения. Это Хоффман и блестяще знает, и тонко чувствует.

Горбачев же подан некой стандартно-западной схемой: реформатор... друг Америки и Маргарет Тэтчер... отдалил мир от края ядерной катастрофы... При этом Дэвид, укладывая Горбачева в прокрустово ложе своей схемы, то и дело противоречит сам себе: из многих документов книги вырисовывается непоследовательный, слабый, ведомый обстоятельствами политик, которому совершенно не веришь (Дэвид — верит), когда он говорит о мире без ядерного оружия к 2000 г. У россиян слишком крепкий иммунитет против его многословия и пустословия, которое Дэвид пытается выдать за чистую монету.


Отсюда, из России, взгляд, данный в *Мертвой Руке* на Горбачева, выглядит не просто фальшивым. Он выглядит как невольное подтверждение тезиса тех, кто убежден, что Горбачев был нужен Америке, чтобы он сам развалил Советский Союз. Этот тезис не менее фальшив, вот только невольно ловишь себя на мысли, что тональность глав книги, посвященных Горбачеву и его времени, как-то льет воду именно на эту мельницу. Надо сказать, что на *Горбачева в розовом цвете* обращали мое внимание даже некоторые американские читатели этой книги, в остальном ей восхищавшиеся: слишком уж приторным, *ходульным* получился образ.

Наконец, *последнее*. Это поучительная книга, российский читатель. Вызывают ли выводы Хоффмана симпатию или отторжение, эта книга очень хорошо иллюстрирует, что случается с большой страной, которая *подставляет* свою независимость и забывает заботиться о своей обороноспособности.

На зеркало пенять не стоит. Дэвид показывает нам достаточно уродств первой половины девяностых, а также — что особенно ценно — восьмидесятых, где следует искать корни и истоки бед девяностых.

Книга Хоффмана — это *ракетно-ядерная* версия балабановского *Груза-200*. Можно дразнить ее *чернухой*. Как угодно. Но не задуматься — нельзя.

Но только уроки нам надо извлекать самим. И не наступать повторно на те же грабли.

Впрочем, догадываюсь, Хоффман думал, что ведет нас прямо к противоположному выводу. 

Примечания

¹ Рейган отказался от идеи своего предшественника Джеймса Картера о размещении межконтинентальных ракет *МХ* по обширному *скаковому кругу* (в мобильном варианте базирования) и выдвинул план *компактного базирования*, предложив разместить 100 ракет *МХ* в хорошо защищенных шахтах на юго-западе штата Вайоминг. В последующем этот план был реализован на практике.

² Рейган также употребил в отношении СССР слова «*империя зла*», которые стали олицетворением его взглядов на Советский Союз.

³ На самом же деле проведенная американскими специалистами в течение двух дней после трагедии экспертиза показала, что пилот советского истребителя *Су-15* скорее всего не знал о том, что сбивает гражданский самолет. Однако о результатах этой экспертизы долгое время умалчивалось, о них стало известно лишь в 1988 г. См. Дэвид Хоффман. 1983. *Индекс Безопасности*. 2007, весна. № 1 (87). С. 177.



⁴ Здесь речь идет о резервной полуавтоматической системе боевого управления стратегическими ядерными силами СССР в чрезвычайной обстановке *Периметр*, управляемой компьютером. Она способна осуществить запуск всех сохранившихся ракет в случае, если все руководители страны и вся система командования были бы уничтожены нанесением противником так называемого обезглавливающего ядерного удара. См. Yarynich V.E. Nuclear Command, Control Cooperation.W.: Center for Defense Information, 2003.

⁵ Проект советских *звездных войн* включал две *зонтичные* программы. Первая носила название *Д-20* и касалась разработок в области наземной ПРО, вторая называлась *СК-1000* и предусматривала разработку новых ракетных комплексов, способных преодолевать ПРО. Общее количество запланированных к реализации НИР, ОКР и фундаментальных исследований — 289.

⁶ Саммит проходил на вилле Флер д'О за западным берегом Женевского озера. На этой вилле проживали Рейган и его супруга Нэнси.

⁷ В то время СССР уязывал в единый *пакет* возможные договоренности с США по сокращению стратегических наступательных вооружений, ликвидации ракет средней дальности в Европе и недопущению развертывания вооружений в космосе.

⁸ Хоффман Дэвид. 1983. Индекс Безопасности. 2007, весна. № 1 (81). С. 169; Хоффман Дэвид. Неизвестная история гонки вооружений. *Индекс Безопасности*. 2010, лето. № 2 (93). С. 153.